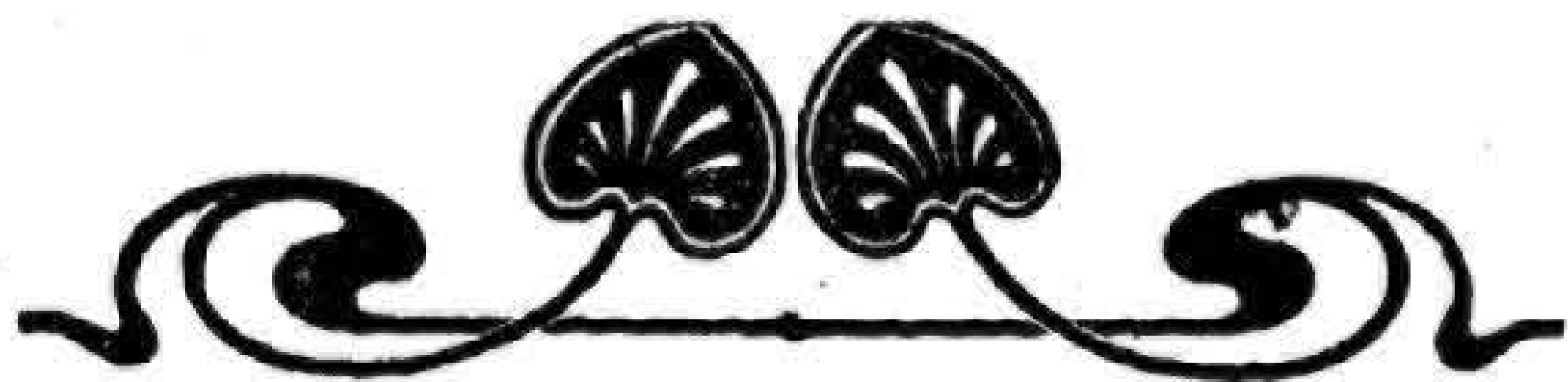

Воскресенье, 17 января 1910 года.

ОБОЗРѢНІЕ ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№. 965.

Голубой алмазь.

Памяти Чехова.

... Кладбище московскаго Новодѣвичьяго монастыря. На кладбищенскихъ деревьяхъ сверкають алмазы зимы. Мерцаетъ тихая лампадка надъ могилой незабвеннаго пѣвца россійской тишины, россійскихъ сумерекъ и хмурыхъ людей...

... Въ ясную зимнюю ночь въ душу стучится тихая „чеховская“ мечта о небѣ въ алмазахъ. И снится, что на холодномъ небѣ, разстилающемся надъ притихшей страной бѣлыхъ снѣговъ, гдѣ нѣтъ свѣтлой улыбки и все — лишь усталость и бредъ, горитъ ласковая звѣзда, горитъ одинъ прекрасный алмазь...

Это — душа Антона Павловича...

Пять лѣтъ тому назадъ ушла отъ насъ его безгрѣшная душа. Душа милаго, недолговѣчнаго Чехова, давно уже знавшаго о своей близкой гибели и такъ любившаго... кладбища, могилы и эпитафіи...

Чеховъ жилъ среди насъ въ самый грустный періодъ русской жизни, когда „тихая“ Русь напоминала одно громадное кладбище. Лучшія страницы чеховскаго творчества это — грустные кладбищенские цвѣты, мечты надземныхъ настроеній...

... Кому хорошо и привольно живется на Руси, тому не къ лицу было бы мечтать о томъ, что... тамъ, тамъ... мы отдохнемъ и „небо будетъ въ алмазахъ“.

Вся обстановка, окружающая милыхъ, безвольныхъ чеховскихъ героевъ, — греза, мечта. Идеалистическая мысль Чехова глубоко грустна. Произведения Чехова — это наиболее грустныя страницы русской жизни вообще и русской женщины въ частности.

О, эта красивая бѣлая женственность, эти нѣжно-грустныя существа, которыя среди холоднаго, спокойнаго ужаса улыбаются другъ другу издали. Чеховскимъ героямъ присуща та-же нѣжная женственность... То не гордые дубы, которымъ ни почемъ бури жизни... а нѣжные цвѣты, обожженные первымъ холодомъ осени... Малѣйшій порывъ вѣтра склоняетъ ихъ къ землѣ...

Всюду эта эпизодичность, случайность существованій и жизнь, давящая безсмыслицею и безсвязностью, непреотвратимостью роковаго порядка

вещей... Въ снѣжной странѣ, съ печатью жуткаго молчанія и холодной пустоты, нѣтъ многообразія... Нѣтъ выпуклой жизни. Среди этой мертвенности бродятъ усталые люди съ истомленными мозгами и въ понурыхъ глазахъ давно уже не свѣтится ясная радость...

Медленно плывутъ тихіе дни. Люди живутъ въ холодныхъ и голодныхъ деревняхъ — то морщины земли русской... Въ тѣсныхъ каменныхъ городахъ ютится „интеллигентная толпа“. Душа — словно въ одиночномъ заключеніи и люди разсѣянными взоромъ наблюдаютъ другъ за другомъ.

Въ молчаніи тихихъ людей, въ чьихъ душахъ давно замолкли бодрія слова, давно ужъ не было звенящихъ образовъ, идейныхъ отзвуковъ, отражался весь этотъ ужасъ бѣлой страны снѣговъ, вся безысходная тоска жизни, словно закупоренной въ каменный саргофагъ.

Чеховъ ласковымъ словомъ „объ алмазномъ небѣ“ грѣлъ сердца этихъ людей, будилъ въ ихъ душахъ какую-то голубую сказку.

Чеховскія женщины, жившія красивой, блѣдной печалью и мечтой о томъ, что счастье и правда существуютъ еще гдѣ то въ жизни, упорно вѣрившія, что скоро наступитъ ясная жизнь, „когда можно будетъ прямо и смѣло смотрѣть въ глаза судьбѣ“ — какъ онѣ стремились въ Москву, въ Москву!..

Милыя три сестры!.. Изъ нѣжныхъ дѣвушекъ онѣ давно превратились въ тихихъ, робкихъ женъ неудачниковъ-мужей.

Тихо плывутъ дни за днями, окутанные сѣдымъ сѣвернымъ туманомъ.

Въ эти дни хочется съ особою ласкою, помянуть искреннимъ словомъ пѣвца россійскихъ сумерекъ.

Хочется углубиться въ бѣлую зимнюю грезу о томъ счастливомъ времени, когда „все небо будетъ въ алмазахъ“, когда наступитъ новая, ясная жизнь и можно будетъ „прямо и смѣло смотрѣть въ глаза судьбѣ“.

Надъ „бѣлокаменной“ въ зимнія ночи, ясное небо ярко горятъ маковки злогоглавыхъ храмовъ, горятъ, какъ яркіе алмазы и спитъ непробуднымъ сномъ незабвенный Антонъ Павловичъ, въ родной Москвѣ, куда при жизни всегда стремилась тихая душа пѣвца надзвѣздныхъ мечтаній...

А. Ростовцевъ.

